

Если проследить, как менялось мировоззрение Блейка в процессе его становления как поэта, станет невозможно относиться к нему, как к наивному дикарю, дикому питомцу образованных и культурных людей.

Т. С. Элиот

I

До «Прозака» был ты

Август — Декабрь, 2016

1

Каждый встречный считает, что сможет объяснить мне, как устроена сеточная система улиц. Достаточно лишь несколько раз повторить — гляди, это же сетка. А потом нарисовать в воздухе прямоугольник или начертить план квартала на тротуаре носком ботинка.

Когда мы въезжаем в город, Рэй, пропустивший важную встречу, чтобы забрать меня из аэропорта Джона Кеннеди, демонстрирует мне Манхэттен так, словно организовал персональную экскурсию. Я киваю, хотя лежащая перед нами темная масса нисколько не напоминает город, который я не раз видела в кино. В самолете я трижды посмотрела «Привидение» от начала до конца, стараясь не обращать внимания ни сидящую рядом женщину в розовой футболке с «Заботливыми Мишками». Она сказала, что ее зовут Сейди и что она ждет не дождется, когда стюардесса покатит по салону тележку с товарами из дьюти-фри. А когда я встала, чтобы отойти в туалет, добавила, что летит в Нью-Йорк навестить свою беременную дочь. Я снова надела наушники. Фильм, который я смотрела, и то, что я постоянно перематывала его к началу, кажется, бесили ее не меньше, чем Эзру — мои всхлипывания под *Unchained Melody*. Накануне вечером я пыталась посмотреть «Привидение» вместе с ним, но на середине он выключил телевизор.

Самолет летел на высоте тридцать две тысячи футов над землей, а я снова и снова прокручивала на экране сцену с гончарным кругом, ту, где Патрик Суэйзи все еще жив. Потом попросила стюардессу принести мне еще джина с тоником. У них закончился лед, но меня это не смутило. В салоне было темно, лишь тускло мерцали экраны и светились маленькие лампочки для чтения. Я посмотрела в иллюминатор и представила себе, что он где-то там, внизу, в миллионе миль от меня. Работает. Или курит... Потом покосилась на Сейди. Фольга на ее контейнере с едой была порвана. А сам контейнер она, кажется, вылизала начисто. Я подумала, что, если самолет сейчас разобьется, это будет последним, что я увижу в своей жизни. Эзра узнает обо всем только через несколько часов. Или дней. Здесь лежит Айрис, которая умерла, сидя рядом с Сейди.

Рэй материт водителя едущей перед нами машины. Потом говорит — нужно будет купить тебе нормальную куртку. И нормальную обувь.

Ненавижу, когда он строит из себя заботливого папочку. Он обычно звонит, когда обменный курс меняется в мою пользу. А еще присылает ссылки на доступные в аэропорту Хитроу розетки для штекеров американского образца.

Радиоведущая так охает из динамиков, словно не Билли Джоэла послушала, а пережила страстную прелюдию к сексу. «Разве это не лучшая песня в мире?»

Интересно, она про все песни так говорит?

И не какую-то там парку в стиле Джей Ло, продолжает Рэй. Зимы у нас тут холодные, а лето жаркое.

С тех пор как мне исполнилось восемь, мы с ним видимся дважды в год. И временами на Рэя находит жажда поделиться со мной жемчужинами своей мудрости.

Он начинает расписывать мне зимы в Чикаго, который называет своей штаб-квартирой. У них там дом в Ривер-Норт, но вообще-то он постоянно в разъездах. Занимается частными инвестициями, вот и приходится ездить туда-сюда. Квартиру на Манхэттене они обычно сдают. Но, раз уж мне разрешили в ней *погостить*, я должна буду поливать цветы. А еще — постараться поладить с его девушкой Линдси. Это она там все обустроила. Когда выяснилось, что меня приняли в Колумбийский университет, она прислала мне сообщение: Как ты относишься к тканевому декору?

Когда мы входим в здание, швейцар подрывается нам навстречу. Подметки его ботинок со свистом скользят по мраморному полу. Невидимый радиоприемник транслирует футбольный матч с комментариями на русском языке. Рэй машет швейцару и несет мою ручную кладь наверх, предоставив ему разбираться с чемоданами.

Я смотрю в темноту, вспоминая вчерашний вечер. Прокручиваю в голове сцену за сценой. Эзра ночует у меня. Я забираю его со станции «Баттерси-парк». По дороге домой от него так и фонит спокойной решимостью, и я нервничаю. Он только раз, как следует, целует меня, а после почти со мной не разговаривает. Тогда я пытаюсь поцеловать его сама. Но он просит меня подождать.

Я тараторю какую-то чепуху, он отвечает односложно. И улыбается, как будто вспомнил одному ему понятную шутку.

Когда я открываю дверь, он достает маску для сна в самолете, и мне немедленно хочется удрать. Но я делаю вид, будто ничего не заметила.

В квартире я включаю телевизор и прыгаю с канала на канал, пока не нахожу «Воспитание Крошки». Потом сижу на кровати, обняв колени, пока он разбирает вещи.

Кэтрин Хепберн пытается поймать воображаемого тигра и набрасывает сеть на голову Кэри Гранту. Кэтрин Хепберн опрокидывает вазу, и Кэри Грант бросается ее ловить.

Опять у тебя этот взгляд охотника и жертвы одновременно, говорю я, не сводя глаз с экрана. Сердце колотится, как сумасшедшее.

Телевизор, командует Эзра. Я щелкаю пультом и снова сажусь на пятки.

Он включает «Кронос-квартет» и снова командует — одежда.

Восхищенно меня разглядывает. И добавляет — а теперь попроси.

2

До Нью-Йорка я никогда не жила одна. Если в здании и обитают еще какие-нибудь люди, мне их не слышно. Не хочу звонить Рэю, мне нечего ему сказать, кроме — как выключить кондиционер?

Щелкаю пультом, и на экране телевизора появляется лицо Хиллари Клинтон. «Система по-прежнему настроена против американцев, границы открыты для шестидесяти пяти тысяч сирийских беженцев». Изображение становится четче и ярче — виден роскошный круизный лайнер. Над горизонтом кружит вертолет охраны. «Америке Дональда Трампа ничего не угрожает».

Переключаю каналы. Женщина в обтягивающей футболе нажимает на кнопку, и пару спортивных носков уносит цветочный вихрь. Потому что у вас есть более интересные дела, чем убирать за ним.

Окно не открывается до конца, но, если прижаться к щели лицом, увидишь кусок Бродвея. Надо сходить побегать. Край рамы впивается в лоб, и на коже остается глубокая борозда.

Я не увижу Эзру сто двадцать дней. Записываю на телефон птичий щебет. Голосят они тут, как автомобильные сирены. Самую странную трель пересылаю ему. Он звонит, и я снова забираюсь в постель, ухом прижимая мобильный к подушке.

Что это? — спрашивает он, проигрывая мне мое же аудиосообщение.

Ангельская песнь, отвечаю я.

Мы же договорились этого не делать.

Голос звучит так, словно он говорит из стального барабана. Взвинчен до предела, сразу понимаю я. Группу не выпустят на сцену раньше трех ночи. Эзра уже успел мне об этом сообщить.

Я представляю, что он сейчас за кулисами, сидит на корточках, спрятавшись за колонкой, и говорит со мной.

Я скучаю, жалею я.

А мне что-то паршиво, отвечает он. Сам не знаю, почему.

Может, потому что ты тоже по мне скучаешь?

Он дышит в трубку. На заднем плане настраивают микрофоны. *Раз — раз.*

Через несколько дней заезжают Рэй и Линдси — посмотреть, как я обустроилась. Они заказали столик «У Ника и Тони». В лифте Рэю звонят по работе. Я кошусь на наше отражение в зеркале: я, ростом шесть футов, Линдси, пять футов, и Рэй, где-то посередине, стоит в позе хозяина жизни. Когда я показала Эзре фото Линдси, он сказал, что она похожа на леди Пенелопу из «Тандербердов».

Возле дома цветут магнолии. Швейцар, хмурясь, собирает с тротуара лепестки, будто они осыпались по его недосмотру. Потом замечает меня и улыбается.

Кстати, на случай, если будешь заказывать еду на дом, здесь мы обычно берем пиццу, говорит Линдси, указывая на неоновую вывеску.

Это ее любимая игра. А тут мы всегда пьем кофе.

Сок продается там, но, если тебе нужен качественный, лучше ехать в Вилидж.

Примерно раз в десять дней Линдси заезжает проверить, не разнесла ли я квартиру. Разговаривая со мной, она грызет соленые крекеры или кусочки сельдерея, обмакивая их в салатную заправку из обезжиренного греческого йогурта. Тунца она поливает острым соусом. Поначалу я все пытаюсь разглядеть в ней глубоко скрытую гениальность или коварство. Она никогда не понимает, в шутку я что-то говорю или всерьез, и постоянно переспрашивает — да? Ты правда так думаешь? А ведет себя так, будто ей одной тут неловко. Продержавшись несколько недель, я прошу ее звонить перед приходом, чтобы я могла оставить ключи от квартиры Николаю.

Предпоследним мы с Эзрой вместе смотрели «Пули над Бродвеем». Валялись на кровати валетом и ели псилоцибиновые грибы из отсыревшей картонной коробки, которые он заказал в интернете. Люблю держаться за его ступни, когда меня плющит. Потолок над головой мерцал. Свет закручивался в спирали, словно передо мной разматывалась ДНК воздуха.

Что важнее, спросил герой с экрана, быть хорошим человеком или хорошим писателем?

Эзра фыркнул мне в пятки.

Глупый вопрос, сказал он.

Ага, отозвалась я. Погоди, так что?

Конечно, хорошим человеком, ответил он. А я в ту же секунду выпалила — ясное дело, хорошим писателем.